

ВРЕМЯ И ГЕРОИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ БЛАГИ ДИМИТРОВОЙ¹

Начало творчества Благи Димитровой относится ко времени зарождения современной болгарской литературы. Формировавшаяся в 40-х годах новая болгарская литература руководствовалась ленинскими принципами культурного строительства. Слова В. И. Ленина о том, что «...социалистический пролетариат должен выдвинуть принцип партийной литературы, развить этот принцип и провести его в жизнь в возможно более полной и цельной форме»², стали фундаментом ее идейного теоретического развития. Народность, историзм, партийность и романтическая устремленность к будущему стали основными принципами творчества болгарских писателей³.

Романы Благи Димитровой появляются в 60-х годах, когда в болгарской литературе «был сделан резкий крен в сторону интеллектуальной прозы»⁴, и продолжают выходить по сей день.

Блага Димитрова пишет о волнующих проблемах современности, а, как известно, тема современности — важнейшая идеологическая, эстетическая проблема литературы. Болгарский роман стремится отразить их сущность. «Философия современного

---

¹ Неопубликованная статья (*прим. сост.*)

² Ленин В. И., Партийная организация и партийная литература, в сборнике «Ленин о литературе». Государственное издательство художественной литературы, М., 1957, с. 6.

³ Андреев В. Д., На путях к современности. Заметки о развитии болгарского романа, в книге «Развитие зарубежных славянских литератур на современном этапе», «Наука», М., 1966, с. 262.

⁴ Пономарева Н. Н., Заметки о современной болгарской прозе, в книге «Художественная проза начала 70-х годов», «Наука», М., 1976, с. 24.

романа рождается из глубин национальной истории и формирующегося мышления социалистической современности, позволяющей видеть поступательное движение народа к новым формам бытия и сознания как объективный процесс отмирания одних и нарождения других социальных сил»⁵. Поэтому «ни один болгарский роман о современности не может не содержать хотя бы беглого взгляда на прошлое»⁶. И это имеет свое значение для болгарского народа, героическое прошлое которого — источник вдохновения поколений мастеров искусств. Говоря о значении подлинного искусства на XXV съезде КПСС, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев подчеркнул, что «воссоздавая прошлое, оно воспитывает... патриота, интернационалиста».⁷

Болгарскую прозу 60-х и 70-х годов отличает стремление проникнуть в духовный мир личности, отразить нравственное созидание нового человека в новом времени, показать силу коллективного преобразующего труда и человека труда, который становится центральным героем литературы. Проблема становления характера не является новой. Но только литература социалистического реализма показала героя, в котором отразилась борьба прошлого и настоящего, уходящего и рождающегося. «Идет живительный процесс обогащения искусства знанием жизни и, с другой стороны, дальнейшего приобщения многомиллионных масс трудящихся к ценностям культуры»⁸.

Выдающийся советский ученый Д. Ф. Марков выделяет в современной болгарской прозе два типа⁹. Это проза, продолжающая традиции классиков, которой присущи «строгая сюжетность, обстоятельность в описании обстановки, в раскрытии человеческих характеров»¹⁰. Другой тип прозы характеризуется конкретизацией материала вокруг ярко выраженных идей, что приводит зачастую

⁵ Андреев В. Д., На путях к современности. Заметки о развитии болгарского романа, в книге «Развитие зарубежных славянских литератур на современном этапе», «Наука», М., 1966, с. 260.

⁶ То же, с. 260.

⁷ Брежнев Л. И., Отчет ЦК КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. Доклад XXV съезду КПСС, «Политиздат», М., 1976, с. 96.

⁸ Брежнев Л. И., Отчет ЦК КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. Доклад XXV съезду КПСС, «Политиздат», М., 1976, с. 96.

⁹ Марков Д. Ф., Из истории болгарской литературы, «Наука», М., 1973, с. 119.

¹⁰ То же, с. 120.

к ослаблению сюжета. «Произведения представляют собой скорее версию новелл, в сцеплении которых, как и в общем ходе повествования, большую роль играют приемы эссеистики, ассоциативная образность»¹¹. 60–70 гг. — время создания различных стилистических направлений и жанровых изменений в болгарской литературе.

В 70-е годы на первое место вышла проза «малых форм». Роман проявил тяготение к лаконизму и трансформируется в «микророман». Масштабный роман отошел на второй план. В прозе заметна стала тенденция к смешению и взаимопроникновению жанров¹², что свидетельствует о серьезных поисках в болгарской литературе.

«Разрабатывая на новом этапе основной вопрос искусства всех времен и народов — человек и время, соотношение героя и окружающего его мира, место человека в истории, болгарские художники установили диалектическое единство между «я» и «мы»¹³. Обращение писателей «к себе» привело к монологичности и способствовало лиризации прозы.

Важная особенность современной болгарской прозы — мотивы героического, получившие в ней сильное звучание. Концепции дегероизации и дегуманизации искусства, выдвинутой буржуазной эстетикой, болгарская литература противопоставляет проблему героического, подчеркивая ее актуальность «и с точки зрения теории, и с точки зрения практики искусства»¹⁴.

Современная болгарская литература, вооруженная социалистической концепцией человека, служит развитию гармоничной личности, делу строительства социализма и коммунизма, идеалам гуманизма.

¹¹ То же, с. 120.

¹² Пономарева Н. Н., Заметки о современной болгарской прозе, в книге «Художественная проза начала 70-х годов», «Наука», М., 1976, с. 24.

¹³ То же, с. 25.

¹⁴ Марков Д. Ф., Проблемы теории социалистического реализма, «Художественная литература», М., 1974, с. 338.

* * *

— *Коя е вашата най-голяма надежда?*
— *Времето, което никому не прощава...*
(БЛАГА ДИМИТРОВА)¹⁵.

Блага Димитрова известна в СССР прежде всего как поэтесса. И это неудивительно. Поэзией дебютировала в 40-х годах Блага Димитрова, поэзии осталась верна и по сей день. Однако талантом поэта не ограничились творческие возможности Благи Димитровой. Высокие гражданские идеи, стремление всегда идти в ногу со временем ведут к поискам и других путей к умам и сердцам человеческим. Блага Димитрова нашла себя и в публицистике, и в драматургии, и в художественной прозе, и в литературной критике, и в художественном переводе. Известны ее переводы с польского, немецкого, французского, древнегреческого, русского языка. Своеобразие дарования Благи Димитровой отразилось на всем ее творчестве: в языке и структуре произведений, в специфике жанровых форм, в их взаимном проникновении и обогащении, в преодолении барьеров между ними, как бы в стремлении преодолеть барьеры, что разделяют людей, в стремлении помочь каждому подняться над собой и посмотреть на нашу Землю, почувствовать свою ответственность за ее движение во времени и остановить все, что мешает счастью человечества.

В настоящей работе проблема времени и героев художественной прозы Благи Димитровой рассматривается на примере четырех ее романов: «Пътуване към себе си» («Путешествие к самой себе») [издание 1965 года], «Отклонение» («Отклонение») [издание 1967 года], «Страшният съд» («Страшный суд») [издание 1969 года], «Лавина» («Лавина») [издание 1971 года] и вьетнамского дневника «Подземно небе» («Подземное небо») [издание 1972 года], который продолжает роман «Страшный суд».

Произведения Благи Димитровой всегда находились в центре внимания критики, вызывали дискуссии, споры, противоречивые реакции, имели своих поклонников и противников. Оценка творчества Благи Димитровой дана в трудах выдающихся болгарских ученых Пантелея Зарева, Любена Георгиева, Петра Динкова, в статьях Димитра Добрева, Розалии Ликовой, Чавдара Добрева,

Здравко Недкова, Здравко Петрова, Яко Молхова, Симеона Хаджикосева, Е. Прохасковой, Кати Яневой, Георгия Димитрова-Гошкина, Марины Караджовой-Поповой, Минко Николова, Ивайло Знеполского и др. Художественной прозе Благи Димитровой отведено место в «Болгарской тетради» советского исследователя Владимира Огнева.

«Най-дълъг и най-стръмен е пътят към себе си».

БЛАГА ДИМИТРОВА¹⁶

(«Самый длинный и крутой — путь к себе»)

Первый роман Благи Димитровой «Путешествие к самой себе» вышел в печати в 1965 году, но замысел возник десятилетием ранее, а описываемые события относятся к началу 50-х годов, к первым годам строительства социализма в НРБ. Обращение Благи Димитровой к прозе диктовалось требованием самой жизни глубоко проникать в происходящие вокруг события и философского осмысления их сущности. Немалое влияние на художественную мысль этих лет оказали исторические решения апрельского 1956 года пленума ЦК БКП, ознаменовавшего новый этап в жизни болгарского народа¹⁷.

Действие романа «Путешествие к самой себе» относится к 1952–1953 гг. Молодая девушка из буржуазной семьи Райна Статова едет на строительство шахтерских поселков в Родопские горы. Произведение затрагивает множество тем: личность и коллектив, новые моменты в психике 20-летней девушки, строящей новую жизнь, и страх, тормозящий духовное развитие Райны, страх перед тем, что ее буржуазное происхождение закроет для нее дороги в новую жизнь. Блага Димитрова раскрывает приобщение Райны к новому, описывая Райну в работе, во взаимоотношениях с рабочими и начальством, в любви. Писательница показывает жизнь строителей: труд на рабочих площадках, отношения друг к другу, кратковременный отдых. Попутно автор с большой образностью рисует Родопские горы, природу и быт местного населения, размышляет о болгарском языке, его говорах, о национальном облике и характере болгарина.

¹⁵ Чаталбашев Г., Изповедите, «Народна младеж», 1976, с. 44.

¹⁶ Димитрова Б., Пътуване към себе си, «Народна младеж», София, с. 65.

¹⁷ БКП в резолюции и решения, Партиздат, София, 1968.

В романе «Путешествие к самой себе» можно выделить две сюжетные линии, составившие душевную драму Райны Стаматовой. Это переживания героини, касающиеся ее тайны — черного пятна в досье, а также ее любовь к архитектору Владу. На первый взгляд, Блага Димитрова полностью укладывается в рамки традиционного романа. Однако только на первый взгляд. Более того, в «Путешествие к самой себе» сюжет не столь существен, он подчиняется философскому плану произведения. Отсюда и схематическая обрисовка героев, и использование сюжета как канвы для лирических отступлений и размышлений. Свободная композиция служит единственной цели — показать развитие самосознания героини, открытие себя самой через отношения с обществом. Повествование ведется как монолог Райны. Этот монолог-исповедь, дневник, монолог-ретроспекция. Ретроспекция открывает автору широкие возможности изложения событий не в хронологическом порядке, а по степени их важности¹⁸. Используя этот прием, Блага Димитрова получает возможность сосредоточить все внимание на психологии героини. Не случайно роман можно условно разделить на две части¹⁹. Первая часть исследует внутренний мир личности, во второй части сближение личности и коллектива перерастает в диалектическое единство. Особенность романа «Путешествие к самой себе» — присутствие автора, столь явственное, что читатель порой не может отделить образ Райны Стаматовой от образа автора. К тому же Райна говорит образным языком Благи Димитровой и выказывает житейскую мудрость, способность к завершеному философскому обобщению, не присущие 20-летней девушке. Не случайно критика назвала первый роман Благи Димитровой автобиографическим²⁰. Однако «Путешествие к самой себе» нельзя назвать автобиографическим в привычном понимании смысла этого слова. В нем скорее «психологическая автобиография», т. е. интеллектуальная жизнь героини и ее философская позиция является позицией автора²¹.

¹⁸ *Николов М.*, Пъгуване с един пътник: автора, вестник «Литературен фронт», № 39, 1966.

¹⁹ *Прохаскова Е.*, Благодатно пъгуване, списание «Пламяк», № 3, 1966, с. 104.

²⁰ *Караджова-Попова М.*, Първият роман на Блага Димитрова, списание «Литературна мисъл», № 1, 1967, с. 155.

²¹ *Динев П.*, Историческа съдба и съвременност, «Наука и изкуство», София, 1972, с. 295.

Сама Блага Димитрова говорит, что в «Путешествие к самой себе» воплотились ее собственные искания, противоречия, были поставлены вопросы, на которые она пыталась ответить сама себе. Так вырисовывается новое отношение к автору — автор не всезнающий, он сам в процессе становления, развивается так же, как и герои.

Остальные герои произведения крайне условны, но они не схематичны благодаря психологической убедительности. Строительство в Родопах, отрицательные порядки в известный период, конфликты между действующими лицами служат автору поводом к рефлексиям, рассуждениям и обобщениям, а герои — средством выражения авторской мысли. Так рабочий коллектив олицетворяет чувство творческой общности, потребность каждого человека находится в непрерывной взаимосвязи с обществом. Образ административного начальника строительства, лейтмотивом всего поведения и высказываний которого является болезненная бдительность, показывает, что излишняя подозрительность, недоверие к людям, сектантство ломают человека, позволяют страху овладеть его мыслями. В то же время бай Крум представляет собой очищающую и возрождающую силу доверия. Архитектор Влад Радев — это любовь, а столичная журналистка Димана нужна автору, чтобы прозвучал мотив ревности и соперничества, а также критика газетных шаблонов. Поэт Мирон, который кончает жизнь самоубийством, демонстрирует конфликт поэта и администрации, чувства гражданского долга и косности, а его смелые стихи звучат, как формулы неспокойной совести.

Часто повторяющийся мотив — страх. Страх, обусловленный недоверием, страх, порождающий страх, страх, способный толкнуть человека на подлость. Раскрытие этой темы еще раз показало, что возможности автора не ограничены лирической прозой, что Блага Димитрова умело использует психологический момент, а также умеет вдохнуть новое содержание в известный художественный прием. В статье «Пъгуване с един пътник: автора» Минко Николов²² критикует как шаблон воображаемый диалог между начальником строительства и портретом его молодости²³. Однако Блага Димитрова сумела избежать банальности, внесла подлинный трагизм в описание регресса личности.

²² *Николов М.*, Пъгуване с един пътник: автора, вестник «Литературен фронт», № 39, 1966.

²³ *Димитрова Б.*, Пъгуване към себе си, «Народна младеж», София, 1965, с. 201.

Основной мотив романа, который составляет его подтекст, проходит через образы всех героев: «Что такое человек?» Размышления главной героини и вместе с ней автора ведут читателя путем поиска истины:

«Времето течеше с еднаква скорост, с еднакъв импулс, с еднаква цел през всички нас. То пулсираше в нощната бригада с един ритъм като сърце. Всеки поотделно, съчетан с другите, стана по-силен, по-умен, по-весел, по-бърз. Заедно. Страхът изчезна, сякаш никога не е съществувал... само заедно сме по-силни от страха. Само заедно можем да догоним времето, да го изпреварим. Всеки поотделно си има различна, своя скорост на времето, която все му се струва недостатъчна. Всеки е една отделна планета със свое време и с вечно, мъчително чувство на изоставане. Само заедно можем да следем скоростите, да превъзмогнем чувството на изоставане и да постигнем общо време. Така всеки става жива капка от буйната, вечно млада река на времето. Само заедно сме човек. Взаимно се допълваме до човек. Заедно»²⁴.

Человек и время неразделимы, — говорит Блага Димитрова. Сила человека в единстве, в способности преодолеть страх, превозмочь себя, подняться над собственной природой, в способности жертвовать собой ради других. Ведь «Човек — това е отговорност»²⁵ («Человек — это ответственность»), — пишет в своем дневнике инженер Горов. Ответственность перед временем и людьми. Поэтому в конце романа автор вместе с героиней приходит к выводу: быть человеком — это значит идти по своему пути, не обращаясь в бегство, смело пробивать тучи вокруг себя и в себе. «Няма друг път. Над облаците има светлина. Най-прекият път към светлината, единственият, води през облаците»²⁶. Иди через все преграды к высокой цели, время с тобой, ты сам время — центральный мотив «Путешествия к самой себе».

Время имеет особую функцию в творчестве Благы Димитровой — «категории современного художественного мышления»²⁷. Автор рассуждает о различных измерениях времени, о его течении и относительности. Но кроме того, время живет в романе своей жизнью, одухотворенное жизнью героев, т. е. писательница

²⁴ Димитрова Б., Пътуване към себе си, «Народна младеж», София, 1965, с. 170.

²⁵ То же, с. 324.

²⁶ То же, с. 451.

²⁷ Николов М., Пътуване с един пътник: автора, вестник «Литературен фронт», № 39, 1966.

олицетворяет время: «До заранта с мене плака времето»²⁸. «За пръв път се сблъсках дъх в с времето» («Первый раз я столкнулась лицом к лицу со временем»)»²⁹. Вводя время в роман «как структурный принцип художественной композиции»³⁰, писательница тем самым подчеркивает его неизмеримую ценность и невозполнимость его утраты:

«Отмъщението на пропиляното време е блудкавият вкус на собственото ни денонощие. Нищо не ни радва, ако сме изгубили времето си. Хлябът не ни е сладък, сънят е кошмар, любовта — досада, животът — отрова. А как да зашепим времето и да не го пропилеем през пръстите си? Колко трудно е да бъдеш човек. Мъката да живееш, може би това е мъката да уловиш времето»³¹.

События в романе относятся к 1952–1953 году, но писательница сумела приблизить проблемы уже отдалившегося времени к современности. Современные и некоторые существенные черты облика девушки: смелость и решительность в овладении трудной профессией, желание работать наравне с мужчиной, стремление к учебе и духовному развитию. Основой художественной системы «Путешествия к самой себе» являются принципы и приемы современного романа³². Произведение содержит внутренний анализ и богатые философские комментарии героини и автора, который не только стоит за героями, но и кристаллизуется в романе в отдельный образ — образ автора умного, глубокого, проникающего в сущность явлений и жизни, сочетающего теплоту и искренность чувства с открытой гражданственностью. Поэтому можно согласиться с мнением, что Блага Димитрова — герой романа «Путешествие к самой себе», и это совсем не умаляет его значение³³.

Роман построен на ретроспективном повествовании, что позволило автору достичь максимальной концентрации времени и проектировать факты и события действительности через индивидуальное сознание. Здесь использован монологический принцип

²⁸ Димитрова Б., Пътуване към себе си, «Народна Младеж», 1965, с. 237.

²⁹ То же, с. 150.

³⁰ Николов М., Пътуване с един пътник: автора, вестник «Литературен фронт», № 39, 1966.

³¹ Димитрова Б., Пътуване към себе си, «Народна младеж», София, 1965, с. 163.

³² Диников П., Историческа съдба и съвременност, «Наука и изкуство», София, 1972, с.295.

³³ Караджова-Попова М., Първият роман на Блага Димитрова, списание «Литературна мисъл», № 1, 1967, с. 155.

изложения: «Повествование от первого лица обусловлено новой творческой задачей — проникнуть глубоко во внутренний мир личности, что в настоящее время стало исключительно трудным. Внутренняя субъективная жизнь вызывает такой же большой интерес, как и внешний, объективный мир»³⁴.

Редкостным своеобразием отмечен стиль Благи Димитровой. Эссеизм сочетается с художественной и стилистической атмосферой романа, но не выходит за ее рамки³⁵. В романе встречается и стихотворная речь, которая привносит в звучание произведения дополнительную лирическую окраску.

«Путешествие к самой себе» — интеллектуальный современный романтический роман, своеобразие которого в том, что он отразил некоторые характерные особенности всех трех этапов современной болгарской литературы³⁶. Отсюда некоторый эпизм и схематизм в обрисовке образов, присущий литературе 50-х годов, лиризм, доминирующий в литературе 60-х годов и влияние «новой волны» в прозе конца 60-х годов, которая захватила и 70-е годы. «Новая волна» ознаменовала дальнейшее развитие интеллектуальной прозы, выразилась в «стремлении к многостороннему изображению человека»³⁷, в отказе от описательности за счет психологической углубленности, в стремлении «к все более широкому раскрытию социалистического гуманизма»³⁸. Произошли изменения в стилевых и жанровых формах. Появилась тенденция к взаимовлиянию, синтезу жанров, к стиранию четких границ между ними»³⁹. Роман обнаружил тяготение к компактной форме, отсюда развитие микроромана, приближающего роман к повести.

³⁴ Динев П., Историческа съдба и съвременност, «Наука и изкуство», София, 1972, с. 295.

³⁵ То же, с. 295.

³⁶ Игов С., Към нов социален роман, в кн. Проблеми на съвременната българска проза, сборник статии и студии, «Български писател», София, 1973, с. 263.

³⁷ Марков Д. Ф., Из истории болгарской литературы, «Наука», М., 1973, с. 120.

³⁸ То же, с. 120.

³⁹ Пономарева Н. Н., Заметки о современной болгарской прозе, в кн. Новые явления в литературе европейских социалистических стран, «Наука», М., 1976, с. 24.

«Колко трае любовта? — питам мислено.
— Не зная... — отверъщаш мълком. — Десет дни»⁴⁰.

БЛАГА ДИМИТРОВА.

«Новая волна» повлияла и на второй роман Благи Димитровой «Отклонение», изданный в 1967 году⁴¹. «Отклонение» ближе к традиционной форме романа, чем «Путешествие к самой себе». Здесь представлена история рождения, развития и развязки одной любви. Герои Неда Велева и Боян Данаилов случайно встречаются после семнадцатилетней разлуки, сменившей их краткую любовь. Эта встреча, невольно возвратив героев к прожитому, заставила их пересмотреть всю свою жизнь.

Воспоминаниям и размышлениям Неды монологичное повествование придает тонкую задушевность и лиричность. Также как и в предыдущем романе, присутствие героя-автора, «свидетельства души»⁴² писательницы делают произведение ярче и многограннее.

Молодость героев совпала с новой эпохой в жизни болгарского народа — с началом строительства социализма в Болгарии. Они принадлежат к поколению, перед которым история поставила задачу преобразить мир. И они создавали разрушенные и новые города, новую жизнь, новую мораль.

С максимализмом юности в своем стремлении начинать строить от самого основания и неуклонно продвигаться вперед, не задерживаясь на месте, не оглядываясь назад, они, случалось, впадали в нигилизм. Вместе с тяжелым грузом пережитков буржуазного прошлого выбрасывали и подлинные ценности, которые веками, из поколения в поколение откладывались в их души. Безоговорочно зачеркивая прошлое, они теряли частицу себя, своего настоящего, своей молодости. Вот почему Неда Велева с горечью говорит о своем поколении: «Ние сме поколението с отложена младост»⁴³.

Направление поисков героев неразрывно связано со временем — прошлое для Неды, будущее для Бояна. В своем поиске они достигли определенных успехов — археолог Неда открыла

⁴⁰ Димитрова Б., Отклонение, «Български писател», София, 1967, с. 115.

⁴¹ Димитрова Б., Отклонение, «Български писател», София, 1967.

⁴² Марков Д. Ф., Из истории болгарской литературы, «Наука», М., 1973, с. 121.

⁴³ Димитрова Б., Отклонение, «Български писател», София, 1967, с. 116.

древнее захоронение, современные конструкции мостов талантливому инженеру Бояна Данаилова получили международное признание. Однако жизненная драма героев налицо. В своих стремлениях они упустили счастье быть вместе — мгновения, которые проглотила лавина будней:

«Времето е поток от мигове, преливащи си един в друг боята, дъха и трептенията си. Сив поток. Дълги години наред. Цял живот. Все същите пепеливи, монотонни вълни»⁴⁴.

Трагедия героев в том, что они потеряли настоящее: «От гонене на времето си изпуснахме времето!»⁴⁵ Жизнь врозь оказалась бесцветной для обоих. Судьба героев, в сущности, — приближение к полнокровной жизни и отклонение от нее. Приближение через отклонение.

Вынужденное отклонение от трассы на Софию и поиски воды в знойной степи привели Бояна к встрече с Недой, как семнадцать лет назад вызов обезличивающей трактовке новой морали, ханжескому пуританизму, отклонение от принятых собранием студентов «пяти условий настоящей любви»⁴⁶ подарило герою десять счастливых дней в жизни. Десять дней, которые должны были убедить Неду и Бояна в том, что их ничего не связывает, породили глубокое и постоянное чувство. И вот здесь герои отступили. Им не хватило силы духа бросить вызов самим себе. Они изменили времени. А время не прощает бегства, — говорит Блага Димитрова, — пропущенные мгновения безвозвратны. Отступив, казалось бы, в надежные рамки, рискуешь оказаться в клетке. Боян, лишившись жизнерадостной и непокорной Неды, вновь погрузился в холодный мир четких формулировок. Его девиз «время, скорость, путь» стал девизом его морального узничества.

Как и в предыдущем романе, в «Отклонении» мотив времени остается ведущим, автор пользуется монологом, ретроспекциями, аналитическим принципом изложения. В то же время высокая художественность, глубокий психологизм и завершенность образов, соответствие жизненной правде и ее философское обобщение знаменуют еще одну ступень, на которую поднялась Блага Димитрова в области художественной прозы.

⁴⁴ Димитрова Б., Отклонение, «Български писател», София, 1967, с. 17.

⁴⁵ То же, с. 171.

⁴⁶ То же, с. 25.

*«— Кое събитие през последните години
Ви е направило най-силно впечатление и защо?
— Стъпването на луната, защото бе извършено от
същия човеки крак, който прегазва и опустошава земята
(във Виетнам, в Чили и навсякъде, където има насилие).*

Б. Димитрова⁴⁷

Высокую оценку критики и всеобщее признание получил, следующий роман Блага Димитровой «Страшный суд» (год издания 1969)⁴⁸, который бесспорно относится к литературе самого высокого класса. Новаторский характер этого произведения проявился и в тематике — первая книга в Болгарии, посвященная героической борьбе вьетнамского народа⁴⁹, и в форме. «В «Страшном суде» откристаллизовалась новая форма лирического монолога авторской идеи»⁵⁰. Ему, как и предыдущим романам Блага Димитровой, присущи монологизм, аналитичность, эссеизм и ретроспекции. Однако «Страшный суд» имеет и свои особенности, которые вызывают споры в определении жанра этого произведения. Путевые заметки? Эссе? Публицистика? «В книге переплетаются элементы эссе, путевых заметок, лирического дневника, эпистолярного жанра и мемуарные наброски», — пишет Симеон Хаджикосев в статье «Книга-размышл за героичен Виетнам»⁵¹. Советский исследователь Владимир Огнев видит здесь рождение в болгарской прозе новой формы романа: «В «Страшном суде» мы видим синтез лиризма, «монологизма», авторской идеи и условного сюжета «путешествия»⁵². Это публицистически-политический роман.

В композиции сюжет почти отсутствует. Роман состоит из кратких новелл, основанных на ассоциациях, которые сливаются одна с другой. Каждая новелла проникнута идеей осуждения американской военно-бюрократической машины, которая сеет бомбы и смерть над мирной страной, отдаленной тысячами

⁴⁷ Чаталбашев Г., Изповедите, «Народна младеж», София, 1976, с. 44.

⁴⁸ Димитрова Б., Страшният съд, «Народна култура», София, 1969.

⁴⁹ Хаджикосев С., Поезия, проза, критика, «Народна младеж», София, 1971, с. 89.

⁵⁰ Огнев В., Пять тетрадей. Этюды о литературе стран социализма, М., «Художественная литература», 1975, с. 118.

⁵¹ Хаджикосев С., Поезия, проза, критика, «Народна младеж», София, 1971, с. 89.

⁵² Огнев В., Пять тетрадей. Этюды о литературе стран социализма, М., «Художественная литература», 1975, с. 119.

С мамой Тamarой Петровной

С Луисом Альберто Корваланом-младшим

Студентка

С супругом Эмилом Бенатовым

Романтический образ

За работой над диссертацией

В кругу болгарских родственников

Со студентами и сыном Даниилом

Преподаватель КИИГА

ГРАМОТА

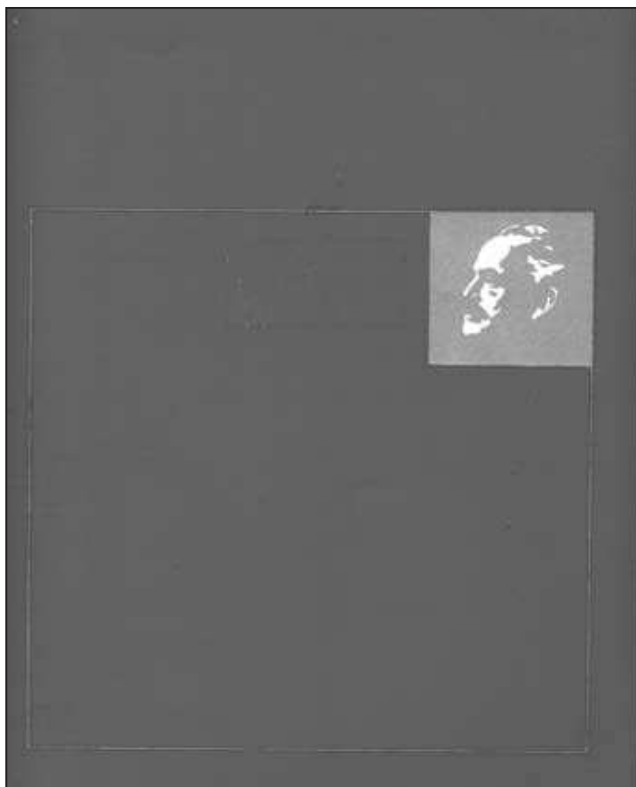
НАГРАЖДАЮТ

Министерство высшего и среднего
специального образования СССР
и
ЦК ВАСМ

Намиско Ирина - студентку Ивановского
государственного университета, лауреата
конкурса студенческих работ, посвященного
90-летию со дня рождения Георгия Димитрова.

Министр высшего и среднего
специального образования СССР
(В. Елизин)

Секретарь ЦК ВАСМ
(Б. Телавский)

ДИМИТРОВСКИ КОМУНИСТИЧЕСКИ МЛАДЕЖКИ СЪЮЗ
ЦЕНТРАЛЕН КОМИТЕТ

УЧЕНИЕ И ТРУД, ТРУД И УЧЕНИЕ

ДИПЛОМА

д-р. *Матиенко Ирина Михайловна*
Лауреат на *четвъртия* Национален студентски
конкурс *посветен на 90 годишнината*
от рождението на
Георги Димитров

СОФИЯ
27. IV. 1972.

СЕКРЕТАР
(Signature)

1953 г.

Школьные годы

километров от США, страной, чей 31-миллионный миролюбивый народ веками создавал свою культуру. С другой стороны, «Страшный суд» — это испытание собственной сущности, беспомощная расправа с лицемерием, злобой, завистью и прочими моральными уродствами. В концепцию романа включена еще одна идея — «...это апокалипсические видения разбомбленных дорог, полночное посещение подземной больницы, приютившейся на дне пещеры. Сопровождаемая своим улыбающимся Вергилием поэтесса молча наблюдает картины, перед подлинностью которых изображение яростного гения средневековья Данте кажется детской забавой»⁵³.

Каждая новелла имеет микросюжет, раскрывающий афоризм, лежащий в ее начале:

«Дори и най-черната нощ върви към утрото»⁵⁴.

«Няма друг изход за човека, освен да използва пречките по своя път за оттласкване напред»⁵⁵.

«Войната, която би могла да ги смаже, ги понесе високо»⁵⁶.

«Човекът е онова едва-докосване на земята и небето»⁵⁷.

«Детето учи възрастните на справедливост»⁵⁸.

Афоризмы указывают на связи явлений в сложном современном, казалось бы, нелогичном мире. «В этом высветлении связей и есть логика сюжета»⁵⁹. Хотя и композиция усложняется чередованием описания второй поездки Благи Димитровой во Вьетнам с ретроспекциями от ее первого посещения, стройность и логичность повествования сохраняются.

Герои Благи Димитровой изможденные, но непоколебимые вьетнамские люди. Подлинные действующие лица сочетаются с вымышленными необычайно искусно. На протяжении всего романа раскрываются образы маленькой вьетнамской девочки Ха, государственного деятеля и поэта Нгуена, который для писательницы «един от най-интересните и сложни азиатци»⁶⁰, неутомимого

⁵³ Хаджикосев С., Поезия, проза, критика, «Народна младеж», София, 1971, с. 90

⁵⁴ Димитрова Б., Страшният съд, «Народна култура», София, 1968, с. 37.

⁵⁵ То же, с. 50.

⁵⁶ Димитрова Б., Страшният съд, «Народна младеж», София, 1968, с. 89.

⁵⁷ То же, с. 153.

⁵⁸ То же, с. 226.

⁵⁹ Огнев В., Пять тетрадей. Этюды о литературе стран социализма, «Художественная литература», М., 1975, с. 120.

⁶⁰ Димитрова Б., Страшният съд, «Народна младеж», София, 1968, с. 17.

Ке — сопровождающего Благу Димитрову по кругам вьетнамского ада, врача Фьонг. Эти образы дополняются образами-штрихами, которые тем не менее отличаются яркостью изображения и публицистической точностью: бесстрашный шофер Тьен, велосипедист в подземной больнице, от которого зависит слабое освещение операционной, заведующая детским садиком Нюнг и воспитательница Хоан, молодая поэтесса Суан Куинь, известный писатель и публицист Анфан Терибль, восемнадцатилетняя Данг Яхи Хань, которая обезвреживает бомбы тонкими, как у скрипачки, пальцами, секретарь ЦК по идеологическим вопросам и «най-големият вьетнамски поет»⁶¹ То Хьу, и надежда Вьетнама — Хо Ши Мин.

«Надеждата има различни имена. Във Вьетнам тя се нарича Хо Ши Мин»⁶².

Все они сливаются в один обобщающий образ вьетнамца:

«Вьетнамец. Слаб, скромен, нисък човек, който се е издигнал високо над развалините на своя дом, над праха на своите близки, над своите собствени рани, над пепелището на своите лични мечти, над самия себе си.

Вьетнамец. Восъчно бледен човек, излетял високо от огъня, в който е изгорял самият той, за да покаже до каква висота може да се издигне човек»⁶³.

Вновь звучит излюбленный мотив Благи Димитровой: превозмочь себя, подняться над самим собой:

«Човек е нещо, което може да бъде самопреодоляно»⁶⁴.

В романе «Страшный суд» тема интернационализма естественно вплетается в повествование. Эта тема набирает особую проникновенность в образе Посла НРБ в ДРВ, а также в размышлениях автора над могилой болгарского врача Андрея Николова Балчева, погибшего во Вьетнаме еще до американской интервенции при исполнении интернационального долга. Несколькими штрихами рисует Блага Димитрова емкие образы семидесятилетнего американского доктора Бенджамина Спока, молодого шведа Бергима Свенстрома и других участников международной встречи в Стокгольме за прекращение войны во Вьетнаме. В романе нет

⁶¹ То же, с. 134.

⁶² То же, с. 321.

⁶³ То же, с. 33.

⁶⁴ То же, с. 151.

второстепенных героев. Каждый образ — и «корреспондента, специалиста по очень далеким странам»⁶⁵, и жены советского военного специалиста, следующей за мужем в пылающий Вьетнам, — по своему значителен и служит подтверждением авторской мысли:

*«Има един будилник в сърцето на всекиго по земята: Виетнам»*⁶⁶.

Эти слова более всего относятся к самой Благе Димитровой, побывавшей 5 раз на горящей вьетнамской земле. В «Страшном суде» Блага Димитрова впервые ведет монолог от своего имени, и в этом знамение времени. «Страшный суд» — это не только свидетельство многогранности таланта писательницы, но и художественный документ нашей эпохи. Концепция времени в романе остается прежней: утрата времени невозможна, слушай время, ибо время служит прогрессу. Восхищаясь мудростью вьетнамского народа, Блага Димитрова видит ее источник в неразрывном единстве времени в сознании народа:

«Не съм срещала другаде такава кръвна спойка между минало и настояще. Времето се превръща в кондензирана сила. Днешният ден не отхвърля миналото, а го привлича, не доумъртвява мъртвите, а ги съживява...

*Времето във Виетнам не носи отрицание, а потвърждение. Днешният ден не изпразва вчерашния, а го допълва. Самият днешен ден става история»*⁶⁷.

Война воспринимается вьетнамским народом как «катаклизъм на всички времена, натрупани, дифузирани едно в друго»⁶⁸. В этой войне Блага Димитрова видит еще один аспект. Это война между забвением и памятью, памятью об ушедших в небытие и погибших за родную землю:

*«Небето е забрава, а земята — памет»*⁶⁹.

Вьетнамская земля не знает забвения. Единство времени открыл для себя вьетнамский народ. Вот почему:

*«Тази страна живее в някакво компактно, неизтичащо време, Затова може би вьетнамците са така спокойни пред смъртта. Тяхната земя не знае какво е забрава»*⁷⁰.

⁶⁵ Димитрова Б., Страшният съд, «Народна младеж», София, 1968, с. 15.

⁶⁶ То же, с. 261.

⁶⁷ То же, с. 28.

⁶⁸ То же, с. 28.

⁶⁹ То же, с. 28.

⁷⁰ То же, с. 28.

Впервые в романе «Страшный суд» положительные герои не вступают в конфликт со временем.

События проходят через призму авторского восприятия. Писательница доносит к читателю болезненную обостренность своих чувств. Страдание и боль вьетнамского народа стали ее собственной болью. «Большая совесть» заставляет искать слова, которые не дадут миру сойти с ума:

*«Да обжегват думите, да не дават на хората да заспят»*⁷¹.

В единоборстве оружия и слова Блага Димитрова ощутила свое бессилие. И тогда исчезли слова. А люди вокруг живут размеренной жизнью, героизм которой кроется в ее повседневной организованности. Их мужество прячется за скромность, как горе за улыбку:

*«Рана след рана, смърт след смърт, Виетнам става по-силен»*⁷².

Автор черпает силу из безграничного терпения вьетнамского народа и вместе с верой в могущество маленькой страны вновь обретает веру в свое слово. Блага Димитрова обращается к людям всей планеты с призывом предотвратить мировую катастрофу:

*«Късно е! Все по-късно става? Ще дойде мигът, когато за да поправим грешката, ще трябва да направим нови, още по-непоправими грешки!»*⁷³

Поэтому торопитесь, люди! Вьетнам нуждается в вашей ежедневной, ежечасной помощи, — читаем в подтексте.

Писательница борется не только против бесчеловечности вьетнамской войны, но и против ее абсурдности. Война не в состоянии излечить болезни века, и в этом ее абсурдность. Посетив мертвый город Нан-Бин, полностью разрушенный американской авиацией, автор видит в нем «модельт на утрешните земни градове, изработен от конструкторите на разрухата»⁷⁴.

В романе мало говорится о политике. Перечисление событий газетной хроники вообще не обязательно для художественного произведения. Писателю «необходимо проникнуть в их постоянный, вечный, непреходящий смысл — единственно необходимый

⁷¹ То же, с. 7.

⁷² То же, с. 101.

⁷³ То же, с. 7.

⁷⁴ То же, с. 274.

искусству»⁷⁵. Однако слово-оружие Блага Димитровой проникает во все сферы общественной и политической жизни, не ограничивается рамками литературы. Подтверждением этому служит открытое письмо Джону Стейнбеку, помещенное в романе. Письмо Стейнбеку — документ, преисполненный силой, гневом и горечью писательницы. Силой борца за мир и справедливость. Гневом, обращенным к творцу, ставшему в ряд убийц. Горечью потери друга:

«Никой враг, никоя сила на света, дори смъртта, не би могла да убие така категорично името Стайнбек освен единствен Вие самият със собствената си ръка»⁷⁶.

В одном интервью на вопрос о самом печальном событии в ее жизни Блага Димитрова ответила: «Потеря друга»⁷⁷. Кто знает, не о Джоне Стейнбеке ли вспомнила она тогда.

Как художник слова Блага Димитрова разоблачает агрессора и поэтическими средствами. Для нее поэзия — «трета сигнална система за контакт между човека и безкрая»⁷⁸. Может быть, поэтому автор реагирует как поэт над могилой погибшего агрессора:

«И аз дойдох отдалече като тебе, чужденецо. За какво? За да задам един въпрос. Кому? Навярно в тишината на твоя безответен гроб. Кажси, защо сме позволили животът така да ни разделя, а да ни примири смъртта? Тежи ни цялата земя — върху всички нас, мъртвите, заровени под нея, и живите, залутани над нея... Край гроба е посадена портокалова горица... Зелена детска горица край гроба на един бомбосеяч...»⁷⁹

Поэтически клеймит Блага Димитрова летчика, сбросившего смерть на мирные города:

«Къде живее той, на коя улица, в кой мирен квартал на кой град? Искам да си представя как ще се върне, с какви стъпки ще прекоси своята улица и как ще прекрачи прага на бащината си къща. «Добре дошъл, градорушителю!» — ще го поздравят паветата и къщите, но той дали ще ги чуе?»⁸⁰

А сравнение американской кампании во Вьетнаме с умопомрачением, вызванным болезнью «тропиконтос», которая поражает

⁷⁵ Георгиев Л., Критически претворения, «Български писател», София, 1974, с. 266.

⁷⁶ Димитрова Б., Страшният съд, «Народна младеж», София, 1968, с. 171.

⁷⁷ Чаталбашев Г., Изповедите, «Народна младеж», София, 1976, с. 45.

⁷⁸ Димитрова Б., Страшният съд, «Народна младеж», София, 1968, с. 135.

⁷⁹ То же, с. 85.

⁸⁰ То же, с. 200.

людей, непривычных к тропическому климату, — художественный прием, усиливающий многократно авторскую мысль. Этот «тропиконтос»⁸¹ в последней стадии раскрыт в множестве подробностей на страницах романа.

В романтической обрисовке представлена встреча с Хо Ши Мином:

«Малка къщица, прегърната от тихи сенки. Отворена врата. Чаши с лотосов чай, банани. Висок старец, може би най-високият вьетнамец, какъвто съм срещала. Тъжен. След толкова усмивки — единственият тъжен човек във Вьетнам. Хо Ши Мин...»⁸²

Среди обыденности смерти и героизма Блага Димитрова вновь возвращается к вечным проблемам бытия, к философскому осмыслению сущности явлений:

«Трябва все да се озъртам вътре в себе си за посоките»⁸³

Среди бомбежек героиня открывает «внутренний фронт»⁸⁴. «Внутренний фронт» наполняет книгу дополнительными конфликтами. Самые трогательные из них касаются воспитания маленькой вьетнамской девочки Ха, которую Блага Димитрова увезла от бомбежек в Софию:

«От детето разбирам, че американците не могат да се справят с този народ»⁸⁵, — говорит Блага Димитрова,

столкнувшись с непокорным характером ребенка. По мере того, как оттаивает сердце Ха, преобразуется и сама писательница. Пересматривает привычные принципы, учится по-иному смотреть на мир, смотреть глазами ребенка. На пути эволюции образа автора «поэтической находкой»⁸⁶ в книге является встреча с собой в романтической ретроспекции:

«Срещам себе си — бледа, дългочоса, дългопола послушница, отчаяна посетителка на МХАТ и на библиотеките. Тя ме поглежда студено — отде изникна тази слънчасала чужденка, хванала за ръчица едно

⁸¹ Димитрова Б., Страшният съд, «Народна младеж», София, 1968, с. 85.

⁸² То же, с. 321.

⁸³ Димитрова Б., Страшният съд, «Народна младеж», София, 1968, с. 66.

⁸⁴ Георгиев Л., Критически претворения, «Български писател», София, 1974, с. 268.

⁸⁵ Димитрова Б., Страшният съд, «Народна младеж», София, 1968, с. 153.

⁸⁶ Георгиев Л., Критически претворения, «Български писател», София, 1974, с. 268.

намусено азиатче, което нея води, а не тя — него. Разминаваме се, без да се познаем. Не намираме ни една обща дума да си кажем. И все пак аз се обръщам през рамо и ѝ хвърлям укоряващ поглед: «Другарко, цял живот изплащам твоите грешки и увлечения...» Тя ми отвърща с не помалък укор в погледа: «Нима заради тебе се затварям в библиотеки-те?...» Младостта ми отминава самонадеяна и самоограничена...»⁸⁷

Проза Блага Димитровой пластичная, метафорически образная, ритмическая. В романе «Страшный суд» мысль концентрируется над изображением в четких формулах, которые содержат в себе целую философию, основанную на восприятии мира «как закономерной формы жизни»⁸⁸. В возможной атомной войне Блага Димитрова видит гибель человечества, поэтому из всех своих сил призывает людей навсегда покончить с войной. Вьетнамский народ и его героическая борьба освещаются с точки зрения вечных человеческих норм, показаны как эталон современной нравственности. В романе «Страшный суд» сосредоточились важнейшие общественные вопросы, которые поставило наше время: ведь «После Освенцима и Хиросимы Вьетнам — новое испытание идей активного гуманизма»⁸⁹. Каждая строчка книги о Вьетнаме проникнута гуманизмом. Блага Димитрова сумела по-новому раскрыть величие вьетнамского народа:

*«Войната, която би могла да ги смаже, ги понася високо. Така високо, че се виждат и от най-отдалечената точка на земното кълбо»*⁹⁰.

Роман «Страшный суд» нашел путь к читателям многих стран мира. В Советском Союзе в переводе Владимира Солухина⁹¹ произведение вышло тиражом более 1500000 экземпляров, который разошелся моментально, книга передавалась из рук в руки⁹², волновала сердца современников судьбой борющегося Вьетнама.

*«— Как виждате бъдещето на човечеството?
— Искам да видя бъдещето в почит към миналото и в осъществяване на надеждите на загиналите — без което не виждам бъдещето»*⁹³.

Б. ДИМИТРОВА

Следующее произведение Блага Димитровой — «Подземное небо» (Вьетнамский дневник, 1972 года издания)⁹⁴. Дневник возник в результате посещения автором ДРВ в 1972 году. Писательница продолжает свои свидетельские показания зверств завоевателей, показания, начатые в романе «Страшный суд». В этом смысле «Подземное небо» — продолжение «Страшного суда». «Вьетнамский дневник — 1972» — это дань времени. В предисловии к дневнику Блага Димитрова пишет:

*«С изтръпване усетих как нажеженият дъх на времето ме притиска до стената и ме заставя да пиша, да бързам, както никога да зарежа най-сладката резбарска игра, да прескачам грапавините и дупките, за да изпреваря минирането на морето и на мисълта и да сваря да изрека своята дума на свидетел... Героите са същите и променени заедно с промените на времето»*⁹⁵.

«Вьетнамский дневник — 72» проникнут горячей верой в близкую победу. Страдание, боль, отчаяние писательницы, пришедшие из романа «Страшный суд», дополняются в «Подземном небе» жизнеутверждающим оптимизмом, который особенно ярко виден в «дневнике-голосочке» подростковой Ха. И это не случайно, «Вьетнамский дневник — 72» Блага Димитрова пишет в то время, когда движение за прекращение войны во Вьетнаме превратилась в мировую силу, во время работы Всемирной ассамблеи солидарности с Вьетнамом в Версале, на которой собрались лучшие представители всех народов, — «...надежда за утрешния ден на планетата»⁹⁶. «Подземное небо» — книга о человеческой солидарности. Она содержит в себе все особенности художественной прозы Блага Димитровой. Все главы, части, фрагменты изречения раскрывают важные проблемы века и служат строительным материалом к пониманию истоков силы Вьетнама, к определению каждым человеком своего участия в борьбе между свободой и насилием. Поэтому

⁸⁷ Димитрова Б., Страшният съд, «Народна младеж», София, 1968, с. 246.

⁸⁸ Георгиев Л., Критически претворения, «Български писател», София, 1974, с. 262.

⁸⁹ То же, с. 270.

⁹⁰ Димитрова Б., Страшният съд, «Народна младеж», София, 1968, с. 89.

⁹¹ Димитрова Б., Страшният съд, «Молодая гвардия», М., 1971.

⁹² Добрев Д., Бразди във времето. Спомени и разговори, «Наука и изкуство», София, 1973, с. 241.

⁹³ Чаталбашев Г., Изповедите, «Народна младеж», 1976, с. 47.

⁹⁴ Димитрова Б., Подземно небе, «Партиздат», София, 1972.

⁹⁵ То же, с. 5.

⁹⁶ Димитрова Б., Подземно небе, «Партиздат», София, 1972, с. 41.

они приобретают самостоятельное значение «малых форм». Вот некоторые из авторских афоризмов:

«Ръцете на децата от Юга са ръце на възрастни»⁹⁷.

«Сред разрушенията срещам неразрушени хора»⁹⁸.

«И в най-дълбоката тишина на Виетнам не можеш да избягаеш от кошмара на войната»⁹⁹.

Жанр произведения определен как дневник, однако во многом «Подземное небо» приближается к эссе. Блага Димитрова использует интервью (говорят раненные в больнице, уцелевшие от бомбежки старики и дети полностью сгоревшей деревни Фук Лок, сбежавший из Сайгона подполковник и многие другие), стремится сохранить индивидуальность языка героев. Это стремление особенно заметно в дневнике Ха. «Подземное небо» документальная книга, художественные достоинства которой позволяют отнести ее и к литературе.

«Страшный суд» и «Подземное небо» — свидетельство неустанного стремления писательницы к философскому осмыслению проблем современного мира, в сопоставлении внутреннего мира человека окружающим его миром. В этих произведениях очерчивается переход автора от нежной лиричности через размышления над наболевшими вопросами нашего времени к пламенной публицистике. Нравственно-этическая оценка окружающих явлений и процессов основывается на социально-классовых позициях. Если прежде Блага Димитрова с романтическим восторгом принимала технический прогресс, то теперь она увидела, что основное и определяющее условие — в чьих руках находятся технические изобретения, поставлены ли они на службу человечеству или приносят ему страдания. И пока не обузданы силы войны, художники слова должны поднимать голоса протеста в защиту мира на Земле, быть героями своего времени.

⁹⁷ Димитрова Б., Подземно небе, «Партиздат», София, 1972, с. 121.

⁹⁸ То же, с. 100.

⁹⁹ То же, с. 134.

«Словото е четириизмерно. Самото слово е четвърто измерение — времето».

БЛАГА ДИМИТРОВА¹⁰⁰

Последний роман Благы Димитровой «Лавина», вышедший в 1971 году¹⁰¹, написан чрезвычайно своеобразно. Его жанр определен в критике как стихопроза¹⁰². «Лавина» — роман-поэма. Целые его страницы звучат как стихи:

«Пада, пада. Сняг върху сняг. —

.....
От белотата ще разцъфне пъстрина.

От бялото яйце на снега ще се пукне пролет.

Никой цвят не може да бъде така чист.

И никой цвят не може така да се омърси и опетни,
както белия.

.....
Безстрастен сняг. Пада, пада»¹⁰³.

«Лавина» в идейно-художественном смысле — развитие традиции Благы Димитровой, сложившейся в ее прежних романах. Вместе с тем это новый этап в творчестве писательницы. Это роман-испытание, в котором раскрывается сущность неожиданной, необычной ситуации.

Композиционно произведение делится на три раздела: «До лавины», «Лавина», «После лавины», пролог и эпилог. Разделы содержат главы, состоящие из отдельных новелл. Блага Димитрова вводит в «Лавине» новые элементы — драматургии и киносценария. В начале романа дан список действующих лиц по их месту в цепочке альпинистов:

«Найден, руководитель

Насмешник, радист

Деян, отсутствующий

Горазд

Зорка

Асен, философ

¹⁰⁰ Димитрова Б., Отклонение, «Български писател», София, 1967, с. 19.

¹⁰¹ Димитрова Б., Лавина, «Хр. Г. Данов», Пловдив, 1971.

¹⁰² Георгиев Л., Критически претворения, «Български писател», София, 1974, с. 275.

¹⁰³ Димитрова Б., Лавина, «Хр. Г. Данов», Пловдив, 1971, с. 13.

Поэт
Бранко
Скульптор
Зябнуций
Слав, кинооператор
Рад, молчаливый
Димо
Момчил, суеверный
Дара
Никифор, амбициозный»¹⁰⁴.

Список показывает, что еще до написания «Лавины» писательница запрограммировала определенные индивидуальные черты своих героев, возможно, преувеличенные, но по ее мнению, необходимые, чтобы соединить людей в настоящий коллектив. Образы в «Лавине» скорее символы различных типов людей, составляющих наше общество. Их объединяет готовность пожертвовать собой ради товарища. В романе нет пространных описаний характеров, портретов, поступков, пейзажей. Все сливается в один основной пейзаж и в один основной образ — снег и группа альпинистов. Однако типизация достигнута при яркой индивидуализации героев, которая проявляется не только в их восприятиях и мышлении, но и в конкретных поступках во время подготовки к маршруту, в пути, во время катастрофы.

В стремлении исследовать характер молодого нашего современника Блага Димитрова ставит своих альпинистов в жестокие обстоятельства, чтобы проникнуть в глубины их существ в решительный момент встречи со смертью. Автор пытается заглянуть во внутренний мир образов через их внешние барьеры. В главе «До лавины» герои разговаривают, шутят, философствуют, но их сущность спрятана. Настоящая жизнь в романе начинается со смерти. Все маски сняты:

*«Всеки умира самотен. И в същото време всички сме заедно в една обща лавина».*¹⁰⁵

Какие же черты героев увидела писательница во время их гибели? Что определяет характер современного молодого человека? Оказывается, не отчуждение, а чувство единства с людьми:

¹⁰⁴ Димитрова Б., Лавина, «Хр. Г. Данов», Пловдив, 1971, с. 5.

¹⁰⁵ То же, с.95.

*«Чувствуваме се заедно пред смъртта...
Загиваме, спасени от най-голямата самота на земните
същества — да умираш сам...
Лавината ни пресова в една компактна същност: живот
срещу смърт. В този единствен миг усещаме какво значи
да бъдем наистина заедно»*¹⁰⁶.

Опасности делают группу единой:

*«Вървим поеми допрени един зад друг. Искане да докажем пред самите себе си, че е възможно за човека да бъде свързан с човека, че хората могат да бъдат наистина заедно, че никаква заплаха не може да ги раздели»*¹⁰⁷.

В единоборстве с горными вершинами они находят себя, преодолевают страх, утверждают свое человеческое достоинство. В высший момент испытания характеры раскрываются в чистом виде. В сущности, падает шестнадцать лавин:

*«Всеки пресреща едновременно своята лавина и поотделно лавината на всекиго от другарите си. И всички тези лавини се събират в една огромна, обединяващи ги грамада, която ни затрупва. Снежна братска могила...»*¹⁰⁸

Блага Димитрова пытается исследовать, что накрепко объединяет людей и приходит к выводу, что сплоченный коллектив образуется лишь в том случае, когда люди дополняют друг друга в своих взаимоотношениях. Обобщения автора, касающиеся группы альпинистов выходят за ее рамки. Используя психологический метод, Блага Димитрова анализирует, казалось бы, незначительные импульсы в мышлении героев и на их основе приходит к обобщениям, «Лавина» — гармоничная книга, здесь для каждого действия есть противодействие. В первой главе герои движутся, преодолевают большие расстояния, но их мысли находятся в застое, остаются на поверхности явлений. Во второй главе герои физически скованны, но мысль со всей своей динамичностью относит их назад в прошлое, проникает в суть многих случайностей и случайно вырвавшихся слов»¹⁰⁹. Настоящее и прошлое уравновешены. В «До Лавины» преобладает настоящее время, в «Лавина» — прошлое. Прошлое предстает в воспоминаниях гибнущих людей

¹⁰⁶ Димитрова Б., Лавина, «Хр. Г. Данов», Пловдив, 1971, с. 95.

¹⁰⁷ То же, с. 79.

¹⁰⁸ То же, с. 98.

¹⁰⁹ Недков З., Творчески светове, «Народна младеж», София, 1975, с. 197.

таким ясным, насыщенным мельчайшими деталями, концентрированным до предела и становится в момент гибели их настоящим. Видимая действительность слов и невидимая мыслей переплетается, и трудно определить, которая реальна. Истина, скрытая в мыслях каждого, раскрывается перед лицом смерти: «Высший момент в проникновении автора в необъятный мир мыслей — это присутствие в романе «действительности с обратным знаком» или «антидействительности»¹¹⁰. В романе возле образов Дары, Асена, один из самых ярких — образ отсутствующего Деяна, опытного инструктора, который был признанным учителем всей группы. Он «прошел» весь путь с группой. Не случайно писательница включила его в список семнадцатым. Он прошел в их словах, мыслях, сердцах, их памяти. Только когда Деян, узнав о несчастье, спешит на место происшествия, он становится действительно отсутствующим. Потому что их нет — тех, которые ценили его опыт, прислушивались к его советам. Блага Димитрова «внушает нам, что благодаря памяти и мысли возможны различные способы существования, различные действительности»¹¹¹. Лавина в романе — поэтический символ. Лавина — это взорвавшееся время, которое накапливалось миг за мигом. В «Лавине» это время взорвалось над шестнадцатью альпинистами, в «Страшном суде» — над целым народом¹¹². По существу роман «Лавина» — размышление о нашем современном мире, в котором идеи гуманизма и прогресса подвергаются самому жестокому испытанию. Вера в силу поэтического слова переливается в «Лавине» с темой поэзии в романе «Страшный суд»:

*«Във всичко може да има заменяемост. Поезията е незамениемост. С убийството на един поет се убива цял един свят».*¹¹³

«Лавина» призывает людей обуздать мрачные силы разрушения и гибели, призывает совесть человечества к вечному бодрствованию, продолжая лейтмотив романа «Страшный суд». В то же время, как бы перекликаясь с «Путешествием к самой себе», Блага Димитрова призывает идти вперед по неизведанным дорогам, к облачным вершинам, к солнцу, к свету:

¹¹⁰ Недков З., Творчески светове, «Народна младеж», София, 1975, с. 199.

¹¹¹ То же.

¹¹² Георгиев Л., Критически претворения, «Български писател», София, 1974, с. 280.

¹¹³ Димитрова Б., Лавина, «Хр. Г. Данов», Пловдив, 1971, с. 94.

*«Стъпки в снега. Правят планетата обитаема. Викат ни настойчиво да тръгнем по тях, да ги продължим по-нататък Накъде? По-нататък не е отъпкано...»*¹¹⁴

* * *

Блага Димитрова ведет своих героев путем поиска смысла жизни через познание себя. Весь ее творческий путь — это, по сути, путешествие к самой себе. Путешествие, которое принесло много ценных находок и открытий.

Герои Благы Димитровой призывают современников занять активную жизненную позицию в современном многополярном мире. Они учат смелости, настойчивости, бескомпромиссности, коллективизму и солидарности. Человек открывает себя через других людей — лейтмотив поиска Благы Димитровой. Гуманизм и гражданственность — вот черты, которые определяют место человека в нашем времени.

Блага Димитрова в своей прозе добилась органического единства идеи и глубокой психологической обрисовки героев. Отвечая требованиям современности, писательница стала новатором и в области жанровых форм. Художественная проза Благы Димитровой — концентрат мысли, воплотившейся в совершенной форме. Она сочетает элементы эссе и публицистики, мемуарного и эпистолярного жанра, драмы и киносценария, использует монолог, ретроспекции, возрождает стихопрозу, применяет аналитический подход к раскрытию образов. Смещение жанров в творчестве писательницы диктуется временем.

Произведения Благы Димитровой получили признание во многих странах мира, переведены более чем на двадцать языков¹¹⁵. Талант писательницы имеет непреходящее значение не только для современников, ибо «талантливое произведение литературы или искусства — это национальное достояние... Художественное слово, переливы красок, выразительность камня, гармония звуков вдохновляют современников и передают потомкам память сердца и души о нашем поколении, о нашем времени, его тревожениях и свершениях»¹¹⁶.

¹¹⁴ То же, с. 318.

¹¹⁵ 1823–1972, Българската художествена литература на чужди езици, справочник, съставил В. Трайков, «Наука и изкуство», София, 1974, с. 65.

¹¹⁶ Брежнев Л. И., Отчет ЦК КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. Доклад XXV съезду КПСС, «Политиздат», М., 1976, с. 97.

Список литературы

1. Ленин о литературе, сборник. Государственное издательство художественной литературы, М., 1957.
2. Георги Димитров за литературата, изкуството и културата, сборник, «Партиздат», София, 1965.
3. Брежнев Л. И., Отчет ЦК КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. Доклад XXV съезду КПСС, «Политиздат», М., 1976.
4. Живков Т., За литературата, изкуството и културата, «Партиздат», София, 1972.
5. БКП в резолюции и решения, «Партиздат», София, 1968.
6. Димитрова Б., Пътуване към себе си, роман, «Народна младеж», София, 1965.
7. Димитрова Б., Отклонение, роман, «Български писател», София, 1967.
8. Димитрова Б., Дорога в об'езд, «Дніпро», К., 1970.
9. Димитрова Б., Страшният съд, роман-пътепис, «Народна култура», София, 1968.
10. Димитрова Б., Страшный суд, «Молодая гвардия», М., 1971.
11. Димитрова Б., Подземно небе. Виетнамски дневник, «Партиздат», София, 1972.
12. Димитрова Б., Підземне небо, «Дніпро», К., 1973.
13. Димитрова Б., Лавина, роман-поема, «Хр. Г. Данов», Пловдив, 1971.
14. Андреев В. Д., Заметки о развитии болгарского романа, в книге «Развитие зарубежных славянских литератур на современном этапе», «Наука», М., 1966, с.260.
15. Георгиев Л., Критически претворения, «Български писател», София, 1974.
16. Георгиев Л., Страшният съд на съвестта, списание «Литературна мисъл», № 3, 1970, с.54.
17. Герои художественной прозы, социалистические страны Европы, сборник под ред. Балашова и др., «Наука», М., 1973.
18. Грибовська О. І., Мальярчук М. Д., Історія болгарської літератури, (ІХ–ХХ ст.), «Вища школа», Львів, 1973.
19. Джагаров Г., Проблемите на живота, проблеми на литературата, «Български писател», София, 1970.
20. Димитров-Гошкин Г., Въпроси и книги на социалистическия реализъм, «Народна култура», София, 1960.
21. Димитров-Гошкин Г., Избрани произведения, т. 2, «Български писател», София, 1972.
22. Динев П., Историческа съдба и съвременност. «Наука и изкуство», София, 1972.
23. Добрев Д., Бразди във времето. Спомени и разговори, «Наука и изкуство», София, 1973.

24. Зарев П., Богатството на литературния процес и социалистически реализъм, «Български писател», София, 1960.
25. Зарев П., Панорама на българската литература, т. 5, «Наука и изкуство», София, 1976.
26. Зарев П., Преобразена литература, «Български писател», София, 1969.
27. Зарев П., Сигурно по своя път, вестник «Литературен фронт», № 6, 1967.
28. Зарев П., Стиль и личность художника, в книге «Эстетика и литература», «Художественная литература», М., 1966, с. 61.
29. Знеполски И., Отклонение, вестник «Народна култура», № 22, 1967.
30. Изов С., Към нов социален роман, в книгата «Проблеми на съвременната българска проза», сборник статии и студии. Съставителство и редакция М. Наимович и Ч. Добрев, «Български писател», София, 1973, с. 263.
31. Караджова-Попова М., Първият роман на Блага Димитрова, списание «Литературна мисъл», № 1, 1967, с. 155.
32. Коларов С., Между дълга и вдъхновението, Държавно военно издателство, София, 1971.
33. Ликова Р., Писатели и време, «Български писател», София, 1968.
34. Марков Г., Неспкойна критика, «Български писател», София, 1975.
35. Марков Д. Ф., Болгарская литература наших дней, «Художественная литература», М., 1969.
36. Марков Д. Ф., Генезис социалистического реализма, «Наука», М., 1970.
37. Марков Д. Ф., Из истории болгарской литературы, «Наука», М., 1973.
38. Марков Д. Ф., Проблемы теории социалистического реализма, «Художественная литература», М., 1975.
39. Молхов Я., Прозата на Блага Димитрова, «Народна култура», газета № 38, 1969.
40. Недков З., Творчески светове, «Народна младеж», София, 1975.
41. Николов М., Пътуване с един пътник: автора, вестник «Литературен фронт», № 39, 1966.
42. Огнев В., Пять тетрадей, Этюды о литературе стран социализма, «Художественная литература», М., 1975.
43. Петров З., Странствованията на Блага Димитрова, вестник «Народна култура», № 22, 1967.
44. Петров З., Профили на съвременници, «Наука и изкуство», София, 1973.
45. Пономарева Н. Н., Заметки о современной болгарской прозе, в книге «Художественная проза начала 70-х годов», «Наука», М., 1976, с. 23.
46. Прохаскова Е., Благодатно пътуване, списание «Пламяк», № 3, с. 104.
47. Речник на българската литература, т. I. А–Д, Издателство на Българската академия на науките, София, 1976.
48. Съвременни български писатели, препоръчителна библиография, Издание на Народната библиотека «Кирил и Методи» под ред. на Л. Георгиев, София, 1972.

49. *Хаджикосев С.*, Оптимистична равностетка, списание «Славяни», № 1, 1977, с.10.
50. *Хаджикосев С.*, Поезия, проза, критика, «Народна младеж», София, 1971.
51. *Хаджикосев С.*, Проза и време, «Български писател», София, 1972.
52. *Чолаков З.*, Дебютната вълна. Проблеми на младата българска поезия и проза, «Народна младеж», София, 1974.
53. *Чаталбашев Г.*, Изповедите, «Народна младеж», София, 1976.
54. *Янева К.*, Отклонение, вестник «Народна култура», № 49, 1967.